

Проблема мотива морального поступка в практической философии И.Канта

Что значит «волишь моральный закон»? Проблема состоит в том, как именно моральный закон становится формой субъективного воления.

1. Проблема ясности мотива

Как пишет Джонсон, Кант приводит подобные примеры действия ради соблюдения морального закона в противоположность всем своим склонностям для того, чтобы показать, что моральный закон от этих склонностей не зависит, как и действие, согласное с ним, а совсем не с целью указать на противоположность субъективной воли моральному намерению¹.

Аргумент 1: Кант не утверждает, что исполнение морального закона должно быть единственной целью: можно любя человека, помогать ему согласно долгу.

Аргумент 2: Кант указывает на двойственную природу человека, который, с одной стороны, всегда принадлежит чувственно воспринимаемому миру, а с другой, – миру ноуменальному. Это может означать, действительно, наличие двух независимых мотиваций при совершении морального поступка.

Аргумент 3: Кант замечает в «Критике практического разума», что задача практического разума состоит в сдерживании чувств и такое состояние согласованности склонностей с категорическим императивом он называет «разумным себялюбием»². Более того, в своей «Антропологии» Кант делает предметом рассуждения чувства как противящиеся попыткам осуществления морального закона, так и способствующие ему.

Аллен Вуд, другой исследователь кантовской философии, напротив, считает, что Кант требует от человека присутствия в его волении ничего кроме долга перед моральным законом³.

Аргумент 1: Он называет ситуацию наличия нескольких мотивов при поступке, фактически соответствующем моральному закону, положением «motivational overdetermination». В ситуации наличия многих побуждающих мотивов, человек теряет ясное понимание того, из какого же мотива он действует.

Аргумент 2: Кант приводит в качестве примеров моральных поступков те ситуации, когда человек следует категорическому императиву вопреки всем своим желаниям.

2. Проблема содержания мотива

Должен быть некий способ, каким моральный закон становится формой субъективной воли. Без него будет иметь место лишь согласованность действия с моральным законом, но не его выражение.

Джонсон указывает на это различие: легальный поступок, соответствующий моральному закону, но не имеющий морального мотива, «не представляет собой примера закона, которому оно соответствует»⁴, поскольку «действие не было мотивировано и обосновано законом»⁵.

Моральным же поступком будет тот, который совершён ради самого морального закона. Весь вопрос заключается в содержании этого предпочтения.

Это значит, что всё-таки, исключив все чувственные побуждения, необходимо оставить некое одно чувство, которое, по Канту, есть мотив морального поступка, однако познанный не а posteriori, а а priori⁶. Поскольку искомый мотив является обузданием

¹ Jonson R. The Blackwell Guide to Kant's Ethics. Edited by Thomas E. Hill. Blackwell Publishing Ltd.. 2009. p.41

² Кант И. Критика практического разума // Кант И. Сочинения в восьми томах. Т.4. – М.: ЧОРО, 1994. – С. 461

³ Wood A. Kantian Ethics. Cambridge University Press. 2008. p.26 - 27

⁴ [Перевод – Д. Шамис] Там же

⁵ [Перевод – Д. Шамис] Там же – p.45

⁶ Кант И. Критика практического разума // Кант И. Сочинения в 8-ми томах. Т.4. – М.: Чоро, 1994. – С.461

склонностей, то есть страданием в этом отношении, то с этой точки зрения мотив морального поступка есть долг. Но это лишь негативное определение искомого мотива. Об этом пишет и Юм: «Ни одного поступка нельзя требовать от нас в качестве нашей обязанности, если человеческой природе не присущ какой-нибудь побуждающий аффект или мотив, способный породить этот поступок. Таким мотивом не может быть чувство [sense] долга. Чувство [sense] долга предполагает предшествующее ему обязательство. Но если поступка не требует какой-либо естественный аффект, его не может требовать и какое-либо естественное обязательство»⁷. Разумеется, Юм пишет об этом в рамках своей теории, имея в виду как раз такие мотивы, которые Кантом отвергались как чувственные влечения и склонности (например, естественная привязанность к детям). Однако не только он, но и другие философы замечали эту проблему. К примеру, Гоббс, обеспокоенный недостаточной мотивированностью участников общественного договора к его соблюдению в случае, когда нарушение его было бы для них выгодно, в качестве третьего естественного закона предлагает, собственно, «люди должны выполнять заключённые ими соглашения»⁸. Юм указывает на вещи, в равной степени важные и для Канта: «ни один поступок не может быть добродетелен или нравственен, если в человеческой природе нет какого-нибудь мотива, который может его произвести, мотива, отличного от чувства [sense] его нравственности»⁹. Иными словами, смысл высказывания Юма заключается в следующем: простое осознание долга исполнения морального закона ещё не ведёт к этому исполнению. Долженствование должно иметь основания, из которых оно будет следовать, а именно, как тонко замечает Юм, в конечном счёте, должно иметь место некоторое внутреннее чувство расположения, предпочтения к тому, что считается должным.

Расположение к чему-то Кант называет интересом. Интерес, по Канту, – это «мотив воли, поскольку он представляется через разум»¹⁰. Интерес к моральному закону Кант определяет как уважение¹¹. Таким образом, уважение – это искомый субъективный мотив морального поступка.

Однако основанием этого уважения, что значит, основанием оценки категорического императива как ценности, как должного способа действия, является изначальная идея свободы. Иначе говоря, даже обнаружив в себе идею свободного действия и последовательно придя к необходимой его форме, должны ли мы испытывать к найденному принципу уважение как к наиболее совершенному? Для этого сама свобода должна обладать для нас ценностью.

Это замечает и Гегель. В качестве носителя субъективного стремления к должному он избирает совесть, которая, с одной стороны, решает и признаёт за истинное только то, что есть её собственное, а не навязанное извне, а с другой – претендует на истинность, а значит, общезначимость, всеобщность того, что признаёт. Однако совесть, по Гегелю, не может стать основой государства, так как, несмотря на то, что она претендует на всеобщность признаваемых ею максим, тем не менее, она не содержит в себе гарантии совпадения этих максим с добром как целью. Иначе говоря, в указанном субъективном стремлении к должному не содержится, собственно, критерий выбора направления.

Таким образом, желание возможности свободы для Канта оказывается в основании всей моральной философии.

---

⁷ Юм Д. Трактат о человеческой природе. – М.: Канон+, 2009. – С.285-286

⁸ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского [Электронный документ]. (<http://www.lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt>)
Проверено 12.03.2014

⁹ Там же – С.239

¹⁰ Кант И. Критика практического разума // Кант И. Сочинения в 8-ми томах. Т.4. – М.: Чоро, 1994. – С.468

¹¹ Там же – С.470